

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е. С. КУБРЯКОВА

ЯЗЫК И ЗНАНИЕ

НА ПУТИ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ:
ЧАСТИ РЕЧИ С КОГНИТИВНОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

РОЛЬ ЯЗЫКА
В ПОЗНАНИИ МИРА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2004

ББК 81.031
К 88

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16011

Кубрякова Е. С.

К 88 Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630
ISBN 5-94457-174-8

Собранные в настоящем томе публикации освещают принципы и установки той новой парадигмы знания в отечественной лингвистике, которая получила название когнитивно-дискурсивной, и показано, как органично вписывается в эту парадигму теория номинации. Здесь получают свое подробное описание те разнообразные связи, которые существуют между языковыми структурами и структурами знания, и предлагается анализ роли языка в познавательных процессах разного типа и обработке получаемой в результате этих процессов информации.

В книге рассматривается широкий круг проблем современной теории языка и уточняются многие ключевые понятия, относящиеся как к характеристике разных единиц системы языка (от частей речи до текста и дискурса), так и совокупности терминов, важных для когнитивного подхода к явлениям языка и описания последних в когнитивном плане.

Книга может рассматриваться как своеобразное введение в когнитивную лингвистику, особенно грамматику и словообразование. Издание рассчитано на аспирантов и специалистов в области общего языкознания.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-174-8

© Е. С. Кубрякова, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-------------------	---

Раздел первый

НА ПУТИ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ: ЧАСТИ РЕЧИ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ	29
----------------	----

ЧАСТЬ I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Глава первая.</i> Когнитивная парадигма научного знания и особенности когнитивного подхода к явлениям языка	41
<i>Глава вторая.</i> Когнитивизм и теория номинации	58
<i>Глава третья.</i> Язык и восприятие	76
<i>Глава четвертая.</i> Проблемы категоризации человеческого опыта	96

ЧАСТЬ II.

МАТЕРИАЛЫ К НОВОЙ ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

<i>Глава первая.</i> Из истории изучения частей речи (уроки прошлого)	115
<i>Глава вторая.</i> Новые направления в изучении частей речи (последние десятилетия)	132
<i>Глава третья.</i> Части речи в генеративной (универсальной) и эмерджентной грамматиках	152
<i>Глава четвертая.</i> Заключительные замечания о системе частей речи и новых аспектах в методике ее исследования	170

ЧАСТЬ III.

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КОГНИТИВНОМ ПЛАНЕ

<i>Глава первая.</i> Семантика и функции словообразовательных процессов как источник сведений о когнитивных основаниях частей речи	189
<i>Глава вторая.</i> Части речи как естественные прототипические категории и роль дискурсивных характеристик в их организации	210

<i>Глава третья.</i> Онтология мира и части речи: формирование когнитивных оснований системы	232
<i>Глава четвертая.</i> Противопоставление объектов их процессуальным и непроцессуальным признакам	252
<i>Заключение</i>	268
<i>Литература</i>	287

Раздел второй

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПОЗНАНИИ МИРА

ЧАСТЬ I.

ПОЦЕССЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

<i>Глава первая.</i> Категории и концепты	305
<i>Глава вторая.</i> Теория номинации и проблемы категоризации мира	321
<i>Глава третья.</i> Процессы транспозиции в категоризации мира. Проблемы взаимодействия категорий	339

ЧАСТЬ II.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ ЗНАНИЙ В ГОЛОВЕ ЧЕЛОВЕКА

<i>Глава первая.</i> О памяти	355
<i>Глава вторая.</i> О концептуальном анализе слова «память»	371
<i>Глава третья.</i> О ментальном лексиконе. Лексикон как компонент языковой способности человека	378

ЧАСТЬ III.

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В ОБРАБОТКЕ ЗНАНИЙ

<i>Глава первая.</i> Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков	390
<i>Глава вторая.</i> Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода)	405
<i>Глава третья.</i> Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта	417
<i>Глава четвертая.</i> О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц	429
<i>Глава пятая.</i> Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования	439

ЧАСТЬ IV.

МИР И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОПИСАНИЯ В ЯЗЫКЕ

<i>Глава первая.</i> Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы)	459
---	-----

<i>Глава вторая.</i> О концепте «контейнера» и формах его объективации в языке	475
<i>Глава третья.</i> Возвращаясь к определению знака	492
<i>Глава четвертая.</i> О тексте и критериях его определения	505
<i>Глава пятая.</i> Дискурс: определение и направления в его исследовании	519
<i>Литература</i>	533
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	549

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времен Ф. де Соссюра многие ученые разделяли мнение о том, что в задачи теории языка входит главным образом задача описания его системы, рассматриваемой в самой себе и для себя. Но в последние несколько десятилетий положение дел радикально изменилось. Было осознано, что данные о языке — специально отобранные и специально обработанные — могут и должны использоваться для освещения более широкого круга проблем, касающихся как природы человеческого разума и интеллекта, так и его поведения, проявляющегося во всех процессах взаимодействия человека с окружающим его миром и другими людьми. Язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе. Подобное понимание языка и целей теоретического языкознания рождалось прежде всего под влиянием возникновения новой науки — науки когнитивной, и собранные в настоящем томе когнитивные исследования отражают особенности когнитивного подхода к языку, т. е. такого подхода, при котором делается попытка рассмотреть все изучаемые явления и процессы, единицы и категории и т. п. по их связи с другими когнитивными процессами — с восприятием и памятью человека, его воображением и эмоциями, мышлением.

Вынесенные в заглавие книги два ключевых для нее понятия указывают, таким образом, не только на сферу личных интересов автора или на принадлежность включенных в этот том исследований когнитивной парадигме научного знания, — они также ограничивают круг рассматриваемых здесь проблем, которые, с одной стороны, определяются задачей лучшего познания самого устройства языка, но которые, с другой стороны, определяются попыткой показать исключительную роль языка в процессах обработки информации о мире, в процессах концептуализации и категоризации мира, во всех процессах, способствующих росту и прогрессу знаний. Когнитивная наука есть наука междисциплинарная. Рожденная под ее эгидой когнитивная лингвистика ставит, соответственно, сложнейшую задачу — объяснения тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания.

Чтобы обеспечить себе нормальное существование, человек должен обладать определенной совокупностью сведений об окружающем его мире и обязательно об объектах, включенных в разные типы его повседневной деятельности, а также о способах обращения с ними. Такую совокупность данных и называют обычно **знанием**, разделяя его на знания *декларативные* («знания, что...») и *процедуральные* («знания, как...»). Фактически, однако, трудно отделить одно от другого: зная, что такое телефон, мы знаем, как его надо использовать, хотя и можно уметь ездить на машине, но не знать досконально, как она устроена. Нелегко также соотносить выделенные типы знаний с научными и обыденными. Люди пользуются языком, не испытывая при этом особых трудностей, более того, они не знают, как именно он организован и какие единицы выделяются в нем в ходе специального исследования. По этой причине, обращаясь в настоящей книге к теме «Язык и знание», мы считаем возможным принять иное деление знаний — **языковое** и **объектное**, т. е. выделять по отдельности знания о разных объектах и таким образом противопоставлять прежде всего **знание о языке** и **знание о мире**. При этом мы отнюдь не отрицаем того, что первое входит составной частью во второе.

Вместе с тем мы считаем, что лингвистические знания — знания об устройстве системы языка, о его единицах и категориях, о закономерностях его развития и современного состояния, о его функциях и т. п. — противопоставлены знаниям внелингвистическим или же экстралингвистическим, знаниям об устройстве мира и обо всем в этом мире, кроме языка. В таком противопоставлении нет ничего, что бы указывало на способы представления знаний, но в их характеристику следует ввести и этот признак: знания могут быть **ословленными** (вербальными), т. е. имеющими языковую привязку, и, напротив, **неословленными** (невербальными), такой привязки не имеющими (например, умениями или навыками шить, вязать, водить машину и т. п.).

Но разве ословленные знания не являются языковыми, а значит, и лингвистическими? Такое словоупотребление не должно вводить нас в заблуждение, и мы должны уметь различать знания как по их предметной отнесенности, так и по форме их представления. В противном случае, одна из центральных задач настоящего издания — определение роли языка в обработке знаний о мире и во всех типах деятельности с информацией — решенной быть не может. Таким образом, соотнося здесь понятие языка и знания, мы будем постоянно учитывать, о каком именно знании идет речь, а в известном смысле, дифференцировать знания о языке и знания о мире, демонстрируя, как происходит **познание языка** в первой части книги, и рассматривая эту проблему на вполне конкретном материале — на примере частей речи, но посвящая вторую часть книги скорее тому, как участвует язык в **познании мира**.

Поскольку вся книга посвящена в принципе вопросу о том, как отражается человеческий опыт в языке и в виде каких единиц в языке оказываются представленными отдельные крупницы знания, а части речи рассматриваются как классы

слов, служащие членению мира и сортировке разных фрагментов его бытия, возникает вопрос о том, почему именно анализ частей речи предпослан разделу о познании мира. Ведь по сравнению со всеми прочими знаниями о мире то, что человек знает (или должен знать) о своем родном языке, это лишь очень небольшая доля общих его сведений о мире. Но здесь мы должны встать на иную позицию, подчеркнув, что дело заключается совсем не в этой доле сведений, а в том, чем является для человека сама его способность говорить и понимать услышанное, само **владение** языком и разные виды его использования. Рассуждения о частях речи и весь относящийся к ним анализ помогают понять именно это: роль языка в познании мира, во взаимодействии человека с окружающей его действительностью и ее осмыслением.

В этой же первой части книги мы начинаем излагать теоретические основания нашего подхода к явлениям языка и той парадигмы знания, для которой эти основания и эти установки оказываются конституирующими и определяющими принимаемые нами методы исследования языка.

Второй раздел книги продолжает начатую тематику, но она рассматривается в более общем плане, а не применительно только к частям речи. Поэтому акцент здесь делается на ином: на принципах процессов концептуализации и категоризации мира, осуществляемых с помощью языка, на формах хранения знания в мозгу человека, на «ословливании» мира разными языковыми единицами и т. п. Основное внимание здесь уделяется тому, чтобы связать понятия языка и знания представлениями о **добывании знаний** — в том смысле, в каком об этом говорит в своей замечательной книге о концептах духовной культуры Ю. С. Степанов (см. [Степанов 1997: 346 и сл.]). Совокупность сведений о мире человек получает разными путями — в простом восприятии мира, в актах соприкосновения с действительностью на всем пути жизни человека, но также и в ходе осуществления разных типов своей предметно-познавательной и практической деятельности, а главное, в процессах размышления над испытываемыми ощущениями о мире и о людях, окружающих человека, в процессах осмысления увиденного, прочувствованного и пережитого и — что, конечно, особенно важно — в процессах научно-теоретического познания мира и обучения человека на всем протяжении его сознательной жизни и ознакомления его с разными **описаниями** закономерностей мира в разного рода руководствах и учебниках, справочниках, словарях, научной и художественной литературе. Можно сказать поэтому, что подавляющая масса знаний приходит к человеку через освоенные знания, т. е. через язык. К тому же язык вплетен во все, буквально все виды человеческой деятельности. Задача лингвиста состоит в том, чтобы определить меру воздействия и влияния на них языка. Для того чтобы осуществить это, надо выделить и охарактеризовать разные типы деятельности языка с информацией — с ее обработкой, хранением, извлечением из недр сознания и формированием новой, с ее фиксацией и обобщением; со всеми другими разновидностями операций над нею и т. п.

Приходящая к человеку извне, информация подлежит не только ее непосредственному восприятию, но и сложнейшей ее обработке вплоть до того момента, когда она, отраженная в мозгу человека и получившая в нем определенную ментальную репрезентацию, станет, в свою очередь, объектом дальнейших ментальных, в том числе и познавательных процессов с нею. А поскольку в большинстве этих процессов у современного человека участвует язык и именно знание языка детерминирует значительную часть этих процессов, исследование языка становится важным не только для постижения сущности языковой способности как главной когнитивной составляющей инфраструктуры мозга, но и для познания самой этой инфраструктуры — познания того, что представляет собой разум человека как *homo sapiens*'а и что мы называем его интеллектом.

Постановкой этих и многих аналогичных проблем мы обязаны когнитивной науке, этому крупнейшему достижению второй половины прошлого века. Настоящая книга — это исследование когнитивного плана, и в ней рассматриваются возможности применения когнитивного подхода к явлениям языка. В то же время в ней ставятся также, соответственно сказанному выше и согласно общим установкам когнитивной науки, и иные проблемы, связанные с выяснением того, что может дать исследование языка пониманию человеческого разума.

Традиционные определения лингвистики подчеркивали ее ориентацию на анализ всех свойств языка и на их выявление в процессе наблюдения над речью, над непосредственно представленными в коммуникации фактами языка, из которых «извлекались» данные о системе языка. В генеративной грамматике уже был совершен отход от этого понимания задач теоретической лингвистики, и последней надлежало, по мысли Н. Хомского, переключить внимание от экстерииоризованных форм языка к формам его интериоризованного существования в голове человека, то есть к языковой способности говорящих и вопросу о ее ментальной репрезентации в сознании человека. В когнитивной науке лингвистике отвели центральную роль, поскольку она могла пролить свет не только на языковую компетенцию говорящего, но и на взаимосвязь языка с другими когнитивными способностями человека — с его памятью, восприятием, воображением и мышлением. Здесь подчеркнули, что язык не только в известном смысле отражает действительность или же воздействует на это отражение, — он является «окном» в сознание человека. Его можно и нужно вследствие этого рассматривать как средство **доступа** к разуму человека и тем мыслительным (ментальным, психическим, внутренним) процессам, которые осуществляются в его мозгу. Для лингвиста стал весьма существенным вопрос о том, что является конечной целью лингвистического анализа, а при весьма широком истолковании этих задач и целей — вопрос и о том, как и в какой форме должен проводиться сам лингвистический анализ, чтобы данные этого анализа могли интерпретироваться далее как освещающие не что **за пределами языка**.

В когнитивной науке не прекращается дискуссия о том, каково соотношение действительности и человеческого опыта, формирующегося во взаимодействии с ней, с ментальными ее репрезентациями и объективирующими их формами языка. В. Крофт замечает по этому поводу, что само определение природы ментальных репрезентаций как единиц, ответственных за хранение и обработку единиц опыта, выходит за пределы лингвистики. Лингвисты якобы не знают, как представлены языковые формы или факты в сознании носителей языка, и такой анализ — дело психолингвистики [Croft 1998]. Но, с одной стороны, эта наука находится на пересечении психологии и лингвистики, и устанавливать жесткие границы между ними внутри психолингвистики вряд ли целесообразно, а значит, определить, сколько в ней психологии, а сколько — лингвистики, невозможно. С другой стороны, соотнесение ментальных структур с языковыми можно изучить разными методами (не только экспериментальными), что, собственно, и доказано в когнитивной лингвистике. Наконец, немалый опыт соотнесения идеального с материальным был накоплен при изучении семиотики, в анализе природы языковых знаков.

Лингвистам обязательно надо ответить на вопрос, четко сформулированный Доминик Сандра: *What linguists can and can't tell you about the human mind*—что лингвисты могут и чего не могут сказать о человеческом разуме? [Sandra 1998: 361 и сл.]. Мы бы только расширили этот вопрос, добавив к нему «о человеческом разуме и о том, каким представляется ему окружающий его мир».

Выражая общую установку современных когнитологов, Ж. Фоконье сказал: «Лингвистика становится чем-то бóльшим, чем самодостаточная ограниченная (self-contained) область изучения языка; она вносит свой вклад в открытие и объяснение общих аспектов человеческого познания» [Fauconnier 1999: 124]. Соглашаясь с мнением одного из наиболее талантливых представителей когнитологов второго поколения, мы хотели бы, однако, более конкретно продемонстрировать настоящей работой, о каких именно открытиях и объяснениях общих принципов человеческого познания может идти речь при обращении к языку и к языковым данным. Иными словами, мы хотели бы ответить данной книгой на вопрос о том, что можно сегодня узнать нового, изучая язык (естественно, в теоретическом, а не практическом плане, т. е. не для того, чтобы говорить на нем, лучше выражать свои мысли и т. п.). В известном смысле эта книга и замышлялась как доказательство того, что, исследуя язык с когнитивной точки зрения (т. е. по его участию во всех типах деятельности с информацией, протекающей в мозгу человека), можно **одновременно** вынести суждения не только о рассматриваемых языковых явлениях, но и о стоящих за ними ментальных сущностях — концептах, концептуальных структурах как структурах знания и опыта, мнений и оценок, планов и целей, установок и убеждений. Перечисленные же ментальные сущности — особенно имеющие языковую привязку — ключ к рассмотрению специфики человеческого интеллекта и человеческого поведения. В своей совокупности эти единицы помо-

гают также понять, почему окружающая человека действительность осмыслена им именно так, а не иначе. Уже к концу 80-х гг. мы выдвинули и сами некоторые новые задачи при исследовании языка. «Мы считаем не только возможным, но и целесообразным, — писали мы тогда, — описать, какие стороны, черты, свойства и особенности образа мира в сознании человека обусловлены существованием языка, какая часть сведений о мире и установок по его восприятию и познанию имеет **своим субстратом языковые формы**» [Кубрякова 1988: 142].

В зарубежной науке за когнитивной лингвистикой закрепляется прежде всего та область анализа, которая связана с семантикой языковых единиц и категорий. Нередко ее задачей объявляется изучение **языковых репрезентаций** концептуальных структур человеческого сознания в грамматике и лексике, причем отдельные участки системы языка рассматриваются как осуществляющие структуризацию этих концептов. «Исследования по когнитивной семантике, — писал Л. Телми, — это исследование концептуального содержания и его организации в языке, а поэтому — и природы концептуального содержания и ее организации как таковой» [Talmy 2000]. И хотя, действительно, главным свойством языка можно признать его способность объективировать, материализовать с помощью языкового знака основные концепты нашего сознания, задачи его исследования, в том числе и в области семантики, должны быть сформулированы гораздо более широко. Все это и побуждает нас внести свои собственные коррективы в существующую ныне за рубежом когнитивную парадигму знания, раздвигая ее рамки и вводя в предписываемую ею систему координат новые параметры и новые измерения — прежде всего семиотические и дискурсивные (ср. также [Кубрякова 2001]).

Предлагаемая нами и развиваемая в настоящем исследовании научная парадигма лингвистического знания наследует традиции отечественного языкознания и отечественной психологии и во многом продолжает идеи ономаσιологического направления в анализе языковых явлений. Поскольку принципы и установки этой парадигмы знания, которую мы именуем **когнитивно-дискурсивной**, будут подробно изложены далее на страницах книги, здесь мы считаем возможным довольствоваться лишь самыми общими соображениями о ее отличительных чертах.

Уже в ранних работах Л. С. Выготского содержались идеи о том, что мысль формируется в слове, что объективация мысли во внешнем высказывании отнюдь не означает «одевания» готовой мысли в языковые одежды и т. п. (см. подробнее [Выготский 1996; Кубрякова 1991; Фрумкина 1995: 108; Шахнарович 1999] и др.), и мы полностью поддерживаем эту точку зрения. «Готовой» мысли до ее ословливания вообще не существует: завершенность ей придает именно ее постепенное языковое оформление в ходе порождения речи или, как это совершенно правильно указывает А. В. Бондарко, ее «языковая интерпретация». И хотя, думается, что частью такого оформления является переход от складывающейся пропозициональной структуры к ее реализации в виде суждения, или предложения, т. е. сам

процесс проходит определенные этапы и стадии, этот процесс носит творческий характер как потому, что для реализации интенции говорящего строится определенная синтаксическая структура, так и потому, что выбираемая структура согласуется с заполняющими ее грамматическими конструкциями и, главное, с создаваемыми по ходу этого процесса единицами номинации. Складывающаяся в голове человека концептуальная структура во время указанного процесса и сама уточняется, видоизменяется и трансформируется под влиянием активизируемых во внутреннем лексиконе единиц.

Характеризуя ту концепцию, которая объединяет разные тома монографии, посвященные роли человеческого фактора в языке, и которая, на наш взгляд, в наиболее концентрированной форме отразила взгляды на язык, сложившиеся к концу 80-х годов прошлого века в отечественном языкознании, Б. А. Серебренников писал: «В структуре языка отражаются отношения между предметами и явлениями материального мира, которые существуют независимо от сознания человека и независимо от общественных потребностей человека», ибо в нем «отражаются не только законы общества, но и законы природы», причем отражаются они «вполне объективно, а не в зависимости от того, как человек хочет их себе представить» [Серебренников 1988: 3–4]. Уточняя понятия отражения языком окружающей его действительности, он правильно подчеркивал, что «фактически результатом отражения являются концепты, или понятия» и что связи языка с действительностью опосредованы знаками [Там же: 6]. Они устанавливаются благодаря приданию концептам овеществленной формы, формы, выводящей внутренние элементы нашего сознания **вовне** с помощью материальных языковых знаков, их звукового (или графического) «воплощения», *embodiment*, не только в смысле их нейронной реализации в тканях мозга, как об этом любят говорить зарубежные когнитологи второго поколения, но и в их простых реализациях в словах и предложениях, в текстах и в дискурсе.

При описании этого процесса чрезвычайно полезным оказывается использовать и мысли советских психологов о конструировании субъективного образа объективного мира, представление о том, что один и тот же реальный объект в окружающей нас действительности и одна и та же объективная ситуация и положение дел в мире могут быть — по воле говорящего — описаны по-разному. В разных лингвистических школах и направлениях эта мысль получала разное развитие и различное преломление (см. подробнее [Баранова 2000]) — она имеет длительную историю своей реализации и в теории номинации, и в теории словообразования, и, наконец, в теории синтаксиса. Нашла она свое специфическое отражение и в выдвинутом когнитологами понятии «конструирования мира» (см. [Language and the Cognitive Construal of the World 1995]), в соответствии с которым отражение и описание мира говорящим человеком понимается как деятельность, фиксирующая субъективную позицию человека в видении им окружающей действительности, ее членения, ее категоризации и понимания им смысла про-

исходящего. До определенного предела эти положения кажутся вполне разумными и направляющими лингвистический анализ по правильному руслу. И все же абсолютизация принципа субъективности восприятия приводит к мнению о том, что «коротко говоря ... 〈мир〉 — это не что-то объективно данное, это нечто 〈конструируемое〉 человеческой когницией» [Taylor 1995: 4]. Однако из того, что мы идентифицируем при описании объекта или ситуации разное количество ее деталей, как и из того факта, что сами эти детали выступают как функции наших интересов, опыта, предшествующего знания и т. п., то есть как функции нашего познания, совсем не вытекает, что они никак не связаны с реальным положением дел в мире и объективностью его существования **вне** нашего сознания, как онтологической данности.

Я бы не хотела вступать в полемику по поводу того, что представляет собой окружающая нас среда: это, действительно, не та проблема, которую может или должен решать лингвист, занимающийся реальными языковыми фактами и посвятивший свою сознательную жизнь наблюдениям за ними. Вместе с тем вопрос о том, что же «отражает», «отображает» или же, наконец, «вербализует» язык, не должен повисать в воздухе. Психологи предлагают нам считать, что в принципе мы обозначаем не вещь, не отдельный объект, а совокупность ощущений и впечатлений от этого объекта. Но можно ли полностью согласиться с этим, если эволюция человека уже привела его к тому, что в восприятии мира ему дано четкое представление об отдельно стоящем объекте (фигуре на фоне), а его родной язык уже предлагает ему конвенциональные формы для обозначения разных сущностей, а тем самым — и для интерпретации мира? (Подробнее о понятии интерпретации см. в работах В. З. Демьянкова, например, [Демьянков 1994] и др.)

Рассматривая теоретические предпосылки когнитивной лингвистики, Р. М. Фрумкина подчеркивает: «Мир не отображается, а интерпретируется — таков один из важнейших девизов когнитивизма. Постоянно акцентируется, что человек не просто воспринимает мир, но конструирует его». Комментируя эти положения, она заключает: «Мир и в самом деле не дан нам в непосредственной эмпирии; по этому поводу уместно сказать, что *мы создаем мир с помощью нашей психики*» [Фрумкина 1999: 90]. Следует ли из этого, однако, что мир «не дан нам» и в объективном знании о нем или что мир (как он есть) и наша психика разделены пропастью? Следует ли, наконец, из сказанного, что «отображение» и «интерпретация» так радикально отличаются друг от друга, что в них нельзя усмотреть общего — стремления к «правильному», «истинностному» и согласованному с практикой людей представлению мира? Мы придерживаемся мнения о том, что в язык проецируются обыденные знания человека о мире, которые могут существенно отличаться от научных, но и такие знания имеют право на специальный анализ и на объяснение их происхождения. Когнитивная лингвистика уже сделала немало в этом отношении, в том числе и отечественная.